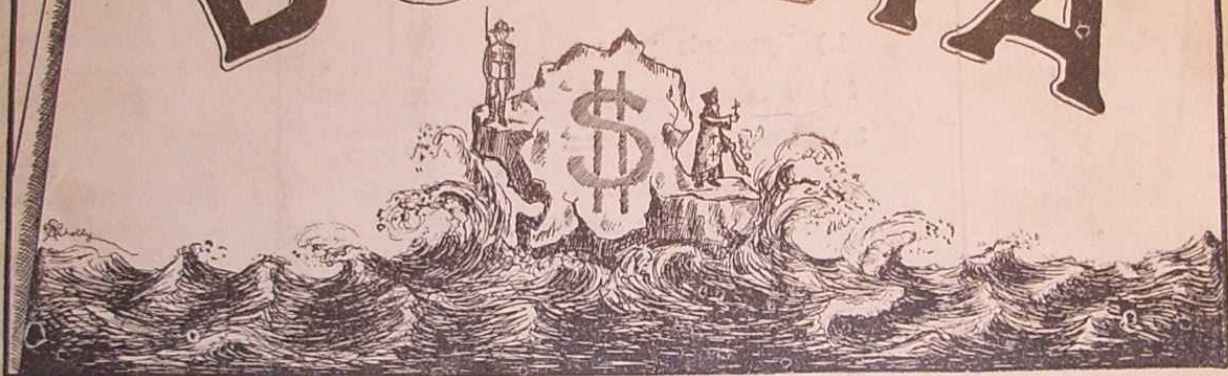

ОТ КАЖДАГО ПО СПОСОБНОСТИ
И
КАЖДОМУ ПО ПОТРЕБНОСТИ

ДУХ
РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ
СОЗИДАЮЩІЙ

ВОЛНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН АНАРХИСТОВ - КОММУНИСТОВ.

Номер 3-й

АПРЬЛЬ 1920 ГОД

Цена 15 центов

Не все спокойно!

В неспокойном морѣ
Человѣческой крови,
Купаясь в позорѣ,
Утопают палачи.

Напрасно волненье
Думают подавить.
Нѣтъ уж сомнѣнья
Революція горит.

Уходите же скорѣе
Тьмы и невѣжества слуги!
Без вас будет свѣтлѣе
На страдающей земли.

Ruhr-Univ.
Abt. IV. Hist. Bibl.

52R 42

M. KISLIUK
WASHINGTON, D. C.
JAN 1, 1923

СОДЕРЖАНІЕ.

- 1.) Броженіе умов.
- 2.) Мысли и впечатленія Острова Слез.
- 3.) Памяти Чирикова.
- 4.) Стихотворенія.
 - а.) В плѣну свободы.
 - б.) Голос Каторжан.
 - в.) Старая Россія.
- 5.) К дискуссіи об анархизмѣ и синдикализмѣ.
- 6.) Отвѣт Сибирскому.
- 7.) Значеніе идей и их выразителей и носителей
- 8.) Пролетаріат, его настроеніе, разновидность и стремленіе.
- 9.) Один Большой Союз или маленькія группки.
- 10.). Резолюція.
- 11.) Отчет.

БРОЖЕНІЕ УМОВ

В современном обществе буржуазно-демократического строя конституционных государств и республик, в послѣдніе десять лѣтъ, наблюдается броженіе умов не только среди рабочих, но и той интеллигенціи, которая стоит ближе к народу и входит в сообщеніе с ним посредством своих обязанностей перед обществом, которое находится в полной зависимости от послѣдних, знающих о нуждах народа столько, сколько необходимо знать для удовлетворенія своих потребностей и даже прихотей.

В особенности это броженіе усилилось за послѣдних пять лѣтъ мировой войны и паденія экономического и политического — нормального порядка незавиднаго положенія всѣх народов мирнаго военно-подготовительнаго періода. И если бы не война и ея послѣдствія, то чему можно было бы приписать такое настроеніе умов в широких массах трудового народа и „трудовой интеллигенціи“, которые дали о себѣ знать и понять? Не возрожденіем-ли народов мы бы назвали неспокойное состояніе духа рабочих масс и нѣкоторыя реформы общественно-государственных законов?

Да, если бы русская революція могла совершиться без причин войны, и волненія рабочих всѣх стран не были бы военными послѣдствіями, то мы, навѣрное, приписали бы все это возрожденію народов. И еще какому возрожденію?

Предположим, хотя бы и такому, какое мы привыкли понимать, т. е. от „плети прямо в свѣтъ“, от одного состоянія в другое, от ужасных форм и обычаев жизни к болѣе подходящим современной жизни. Вообще, человечество, хотя бы неумѣло и смутно, но все-таки предназначало бы кое какую идею в стремленіях своей души согласно при вычкам и обычаям своей жизни по отношенію к „имущим и правящим“ через посредничество.

Посредником между трудящимися и господами всех званій была издавна религія во главѣ с воображаемым и подразумеваемым богом и его служителями, жрецами, которые, выражая волю господ, всегда находили недостатки (грѣхи) в трудящихся массах. Конечно, при таких обстоятельствах человечество доходило до самаго ужаснаго положенія: рабскаго униженія перед имущими и правящими классами, подвергалось частым войнам и всевозможным обидам и бѣдствіям от властей и эксплуататоров.

Примѣром этого служит и мировая война с 1914 года по 1919-ый, когда все общество людей, существующих для жизненных удовольствій и радостей, противно своему назначенію человѣческаго достоинства злоупотребило свое имя человѣка и вступило в смертоносную систему взаимнаго человѣкоистребленія. И люди всѣх вѣрованій, направленій, обычаев и нравов одинаково вступили в бойню, а оставшіеся в сторонѣ или в тылу войны всячески поощряли тѣх мнимых героев, которые так слѣпо и глупо относятся к своей жизни и жизни других таких же людей. Они не знали что дѣлали, или под принужденіем как рабы государственные, предпочитали лучше умереть, чѣм быть преслѣдованными и жестоко наказанными, т. к. разум их не мог опредѣлить какой-либо идеи, возбраняющей это постыдное пролитіе человѣческой крови. Умы людей блуждали не находя нигдѣ той опоры противорѣчія, вѣками усвоеннаго позора войны, вѣками повторявшихся в лѣтописях ложных понятій и обновленных обычаев и нравов во взглядах на жизнь экономического и политического положенія.

Тщетно человечество старалось подпелиться социализмом при угрожающей опасности надвигающейся грозы-войны, и бѣдственным состояніем своего духа вѣрило,

что он может помѣшать замыслам имперіалистов и капиталистов. Но, увы, социализм оказался безуспѣшным, слабым оплотом поработенных! Стоящій как посредник между трудом и капиталом, социализм не оправдал надежд своих вѣрующих. Наоборот он даже помог ускоренію и осуществленію цѣлей военных „лордов“. Не говоря уж о религіозных и патріотически-національных послѣдователях, социализм обманул тѣх многих, которые так невинно уповали на него, и его жрецы — наставники всецѣло пошли совмѣстно с своими врагами или вѣрнѣе противниками из-за конкуренціи преобладанія над трудящимися.

Для примѣра возьмем германских социалистов, которые при объявленіи войны не только не протестовали, а наоборот агитировали массы на убой. Американскіе социалисты хотѣли было двинуться дальше, чѣм федеральное правительство, но потерпѣли неудачу, лишившись своих вождей, которым предстоит заключеніе вмѣсто свободной дѣятельности, как напримѣр Дебс подвергся гнѣву властей и капитала за то только, что своим отношеніем к войнѣ упрекнул своих противников в недостаточном участіи и бѣдной помощи тогда, когда господа-демократы отправили многочисленную экспедицію в Европу и поднесли богатый дар в жертву Богу Войны от продукта и богатств своей страны. Е. Дебс как настоящій патріот и вѣрный американец пожелал, чтобы и хозяева пошли в траншеи и вмѣстѣ со своими рабами, как равные в неравных правах, и тѣм бы доказали перед всѣм свѣтом правду о своей демократіи, которой и угрожали яко бы войной имперіалисты. Дебсу казалось, что широкій замах его блестящей бриллиантовой рѣчи переверотит все вверх дном и поставит на ноги только тѣх, которые дальновиднѣе и энергичнѣе относятся к дѣлу войны. Безсомнѣнно по своим взглядам он слѣдовал бы примѣру Абрагама Линкольна. Свое противодѣйствіе по отношенію к войнѣ Дебс мог натянуть на себя насильно в виду той роли, которую он играл в глазах своих послѣдователей и противников. Скорѣе же всего его глубоко-сказанная рѣчь не была понимаемая, и ѣдкая критика его над плутократами-лицемѣрами была загадочна,

чѣм и вооружила местью послѣдних. Всѣ же эти дѣянія ничего не указывали народу прогресировавшему и отчасти заблуждавшемуся в понятіях дѣйствительности. Социалисты же других стран: Англіи, Россіи, Италіи, Австро-Венгрии и других малых стран отнеслись равнодушно и безразлично к войнѣ, и за малым исключеніем не предпринимали ничего важнаго ни за, ни против, т. к. они уже давно предвидѣли и поджидали этого всеобщаго бѣдствія, посредством котораго им мечталось удобно будет достигнуть „недостижимаго“.

Между тѣм броженіе умов среди поработенных усилилось до того, что стали пренебрегать они и тѣм во что так свято вѣрили. Обман до того показался ясным, что сомнѣваться было бы излишним в правдивости тѣх фактов, которые творились на глазах всего человѣчества, и даже забитые запуганные религіозно-патріотическіе элементы возроптали и в темном состояніи своих душ, т. к. почувствовали ожог от того огня, который припекал их всегда. Разочарованные народы всегда остаются без идеи. Провалилась в бездну религія, а за нею полетѣл и социализм, как спутник ея и послѣдній мираж пустынного пространства, которое так страшно открывается уму слаборазвитаго человѣка и пугает его своей пустотой, когда он лишается невѣжества и суевѣрных предразсудков. Человѣкъ не может жить без идеи и ум его блуждает и жадно ловит причуды природы, обоготворяя или идеализируя своим воображеніем, и таким образом, получается продукт его необузданной фантазіи, под которым и жило человѣчество много вѣков.

Перемена нѣкоторых условій жизни представляла человѣка удаляться понемногу от своего прежняго возрѣнія на жизнь. Тогда приходили новыя идеи на смѣну старым: одно умирало, другое зарождалось и, таким образом, чередовалось одно другим. Приходило всегда лучшее, а потом незамѣсно ухудшалось, старилось и оказывалось негодным и выбрасывалось как вредное из общества.

Современный человѣкъ не может еще понять что из всѣх прежних лучшее, или всѣ идеи были заблужденіем? И дѣйствительно это так. Идеи исходят от самаго человѣчества. А раз человѣчество несовершенно, то

идея оказывается тоже несовершенной. Человек долго заблуждался и еще будет заблуждаться до тех пор, пока его идея не откликнется его душѣ — не будет отголоском ея, как эхо его собственного голоса.

Всякая идея строго подвергается критикѣ и проходит сквозь тяжелый строй философіи, которая также часто не соответствует своему прямому дѣйствию справедливаго назначенія, а заходит иногда очень далеко в сторону от главной дороги освѣщенія важнѣйших значеній стремленія к знанію, как потребностей духовных.

Возьмем всю нашу науку современнаго общества, всѣ изслѣдованія, поясненія и доказательства. Весь огромный мір живых существ одного загадочнаго существованія. Возьмем за единицу цѣлый „космос“ и будем, разсматривая и изслѣдывая, дробить его на части до тех пор, пока не дойдем до самых микроскопических, теряющихся из вида частичек-признаков жизни. Мы можем так легко разобраться во всѣх премудростях, и в каждом существѣ и растеніях найдем клѣтки, клѣточки и т. д. Вообще, нам понятна каждая нить жизни, каждый предмет в своих мельчайших частичках и каждая капля воды и песчинка камня и земли, — и всѣ нити всевозможных растительных сил природы... Но смысла самой жизни мы боимся. Мы не хотим дотронуться до ея больного мѣста, чтобы не услышать ея стонов. Мы обходим главный вид жизни: сжимаем всякое свободное проявленіе человека, не хотим признать самую функцію общечеловѣчества. И горе нам ученым, дерзнувшим задержать свободно-любящуюся и так вольно и плавно несущуюся вперед волну жизни! Горе нам всѣм, стоящим на пути и совращающим человечество в заблужденіе!

Но вот міровая война кончилась. Принудительная трагическая игра обмана и лжи сошла со сцены и теперь в обществѣ людей разыгрываются прежнія смѣшныя комедіи. Человѣчество уже подвигается вперед сдержанным шагом, но вѣрно приближается к своей цѣли. Еще непонятныя и смутныя его идеи, еще только что воображеніе не ясно рисует человеку его новую жизнь, как уж являются посредники на смѣну старым. Общество перестраивается, и форма его приобретает новый

вид, и можно надѣяться на дальнѣйшее его усовершенствованіе. Нам кажется, что религія умирает. Старыя условія жизни экономической и политической потребности человека падают. Их мѣсто заступают новыя — болѣе подходящія и осторожныя для современнаго общества. Посредничество растет быстро, неся за собой новыя догматы государственной религіи, и еще быстрее оно будет разрушаться упадать, очищая, таким образом, свободный и широкій путь человечеству до полнаго освобожденія.

Всякая идея к лучшему всегда жестоко преслѣдовалась основными элементами стараго общества; разумѣется, и стремленіе идейное современнаго общества тоже преслѣдуется, и так будет продолжаться до тех пор, пока всѣ основы стараго общества не будут уничтожены совершенно; когда будет разрушен послѣдній барьер перед человечеством, тогда только возможно будет свободно заговорить и безпрепятственно идти к намѣченным цѣлям.

Христіанство времен своего развитія тоже жестоко преслѣдовалось и пожертвовало много жизней за свою идею. Оно было чисто и справедливо на общинных началах до тех пор, пока не вылилось, в полном смыслѣ значенія, в религію, т. е. слѣпое вѣрованіе под страхом суевѣрных предразсудков и невѣжества.

Как только скоро идея извращается, она неспособна к дальнѣйшему развитію и разлагается. Мы уже убѣдились, что и религія тоже отживает, но непреждевременно. Новые посредники между новыми господами и новыми рабами, разумѣется, обновляют и религію: они, безусловно, дадут человечеству нѣкоторыя понятія о новых законах и постановленіях; они, без сомнѣнія, уже прадписывают и навязывают все то, что вытѣсняет силу труда и знанія из трудящихся масс. Это и есть государственная религія, или вѣра слабѣйшаго ума в другой болѣе сильнѣйшій, т. е. использование сил и способностей одного человека другим через посредство государственных представителей — жрецов.

В. П.

(Продолженіе слѣдует.)

Мысли и впечатлѣнія Острова Слез

Участь грядущих историков с физической точки зрѣнія далеко не легкая. Начиная с Геродота и кончая 1914-м годом мы не сталкиваемся ни с единым историческим фактом или событіями той или иной эпохи, которыя сравнились бы по своим значеніям с событіями міровой исторіи, начиная с Великой Европейской и кончая Міровой войной.

Причиной этому служат тѣ обстоятельство, что ни в одной эпохѣ реконструктивной дѣятельности не принимало участія ни прямо ни косвенно все человѣчество.

Развивались: Сирія и Вавилонія. Спала Греція. Философствовала Греція и шум Римлянских тестов еще дремал, гдѣ-то на небосклонѣ. Затихает Греція и плащ Римлян стелется на фонѣ міровых событій.

Поник главою Рим и на его мѣсто выдвинулись Европейцы и Америка.

Вот тот универсальный занавѣс, на котором величіе одной стороны смѣнялось величіем другой.

Поэтому понятно, почему в процессѣ „смѣненій“ всему человѣчеству, как цѣлому не была предоставлена возможность непосредственнаго участія в жизни и дѣятельности всего міра.

Именно обратное получилось, со дня, когда первый выстрѣл раздался на полях военных дѣйствій міровой войны выливающейся в міровую революцію.

И столкнулись два великана, один „в шпакѣ золота литого“, другой — запечатлен в исторіи Россіи; и новая страничка исторіи Великой Россійской революціи, написанная кровью возставшаго народа, будет памятна трудящимся всѣх стран.

Два мучительных долгих года возставшій народ ведет суровую борьбу с вѣковыми своими врагами міровой империалистической буржуазіей, защищая завѣты революціи — свободу, равенство и братство.

Русская колонія, являясь частью револю-

ціоннаго народа, героически защищающаго свои права, рѣшила отпраздновать двухлѣтіе Россійской Революціи.

Рѣшено было созвать ряд массовых митингов, отдать должное павшим с честью борцам за свободу и послать свой горячій братскій привѣтъ, а также рѣшили выйти на демонстрацію.

День празднованія был намѣчен 8-ое ноября, фактически являющійся всемірным историческим памятником.

Правительство С. Ш. А. сыгравшее столь преступную, подлую роль, по отношенію к возставшему трудовому народу, не ограничилось посылкой вооруженных банд, с цѣлью потопить в крови Великую Россійску Революцію, оно предпріяло шаги, дабы закулисная работа правительства, была скрыта от широких трудовых масс. Капиталистическая машина работала во всю.

В ход были пущены всѣ махинаціи, с цѣлью дискредитировать совѣты.

И вот накануне великаго историческаго дня 8-го ноября, с разрѣшенія правительства были организованы спеціальныя погромы на русских выходцев. — словно по мановенію волшебнаго жезла, черныя силы реакціи, как гады выползли из своих нор.

Вооруженные револьверами и спеціальными для избіенія рабочих дубинами принялись они за свое приличное, по воспитанію, но отвратительное, мерзкое по природѣ дѣло. Одновременно по всѣй странѣ были сдѣланы погромы на рабочія организаціи, клубы, школы, народные дома и т. д.

Вмѣстѣ с разгромами происходили и массовыя избіенія. Избитых, окровавленных рабочих арестовали и предъявив обвиненія в уголовной анархіи в „уголовном синдикализмѣ“ подвергали от 10-ти до 20-ти лѣтъ тюремнаго заключенія и депортаціи (высылка из предѣлов С. Ш.).

Звѣрства происходивших погромов, по своей дикости не поддаются описанію, и все

это происходило ни гдѣ нибудь в странѣ дикарей, не в странѣ неограниченнаго абсолютизма, а в „свободной демократической республикѣ С. Ш. А.”

Мнѣ также пришлось раздѣлить горькую участь тѣх рабочих, которые подвергались законному избіенію и арестам.

По обыкновенію как и всегда в 7 часов вечера 7-го ноября я зашел в Народный Дом номер 133 на 15-ой улицѣ в Нью Йоркѣ. Там я встрѣтил двух товарищей и мы рѣшили идти в ресторан.

Ничего не подозрѣвая мы направились по 15-ой улицѣ. Улица была слабо освѣщена. Неожиданно с противоположной стороны тротуара, пересѣкли нам дорогу четыре неизвѣстныя фигуры, которые быстрыми шагами направились к нам с криком, „стой ни с мѣста!” Направили на нас дула револьверов. Я уже был освѣщен о происходивших погромах и избіеніях над рабочими.

Видѣвъ направленные на нас дула, и создавая свое безсиліе, перед частью организованных, вооруженных громил, я рѣшил бѣжать дабы избѣжать участи творимаго насилія.

Все это совершилось так быстро, что не прошло и секунды, как я осуществил свой план.

Быстрым движеніем оттолкнув проч, ставшагося преградить мнѣ путь хулигана и не обращая вниманія на крики „стой” я бросился бѣжать...

Удар с розмаху и я повалился на мостовую, потеряв сознание.

Когда меня подняли на ноги, я был окровавлен, разбит и еле передвигал ноги.

С улицы завели меня в сапожную мастерскую и в присутствіи других тов. посадив на стул — начали избивать, нанося удар за ударом. В волю звѣри насладившись, надели на руки цѣпи и отправили в участок, на допрос...

Завели в отдѣльную комнату, гдѣ присутствовало три „почтеннѣйших” гражданина. Недав осмотрѣться, они набросились на меня и давай избивать. Дав волю своему звѣрскому безумію они оставили меня в полусознательном состояніи.

Не успѣлъ я опомниться, как в комнату вошел гигантскаго роста сыщик и с каким то восторгом принялся избивать. Не успѣлъ он выйти, как вошел другой и крикнул раздѣвайся! Физически я был слишком слаб, так, что не всилах был удовлетворить его требованіе. Он как демон машинально сорвал с меня пальто, и стал бить „блэк джеком” (палка, обшитая кожей и наполненная свинцом). Насладившись вдоволь, он так же как и другіе удалился.

Я предполагал, что пытки уже кончились, но горькое разочарованіе охватило меня, увидѣвъ приближающагося ко мнѣ хулигана. Словно дикій звѣрь, бросил меня на пол, он начал топтать своими ногами, балуясь словно кот с мышенком. Я потерял сознание.

Когда я очнулся, то комната была пуста!

Пробовал встать, но не мог...

Тѣло ныло от побоев... В головѣ шумѣло, и я не мог сконцентрировать свои мысли ни на одном предметѣ. В таком безсознательном состояніи забрали меня на допрос.

Я что-то отвѣчал, но что, я не мог дать себѣ отвѣта.

Пройдя всѣ мытарства, привели в общую комнату, а оттуда нас 69 человек отправили на остров „Слез и Страданій”.

Такова американская свобода!

Такова „демократическая” справедливость!

К.

ПАМЯТИ ЧИРИКОВА

Нами переживаемое время, в так называемой свободной странѣ Америки, невольно напоминает царскую Россію, которая так часто орошалась человѣческой кровью по прихоти Николая Кровавого и Послѣдняго.

Часто его чиновничеству и сановничеству замышлялось от скуки порѣзвиться или просто показать свое усердіе и потѣшить кровавыми играми своего государя-самодержца, который при видѣ человѣческой крови приходил в восторг, за что и получил прозвание Кровавого.

Вся жизнь этого „малого“ тирана проявилась для Руси, как какое бѣдствіе и карательный мор людей, и — полна была самыми ужасными событіями, начиная со дня его коронованія Ходынкой, жертвами 9-го января 1905 года и кончая міровой войной и революціей.

Мы слишком много можем найти интересных и дико-восторженных поступков своего палача, для котораго жизнь без жертв подданных не имѣла никакого смысла. Он превратил всю страну в тюремный двор пыток и казней и обрекал многомилліонный народ милости и капризам своего гнѣва, так что, казалось, вся Европейская Россія находится уже на этапном пути к ссылкѣ в Сибирь.

В такой же омут людоедства вступила и новая наша заокеанская страна, свободная Америка, в которой мы живем хотя и временно, но терпим гнет и погромы постоянно, а в особенности в два послѣдних года почти всѣ русскіе выходцы подверглись новой реакціи, которая своим цивилизаціонным усовершенствованіем далеко оставила позади всѣ предшествовавшія ей.

В эту смутную эпоху развитія американскаго народа явились типы Николашек и его приверженцев в лицѣ Ракефелера, Моргана, Карнеги и других во главѣ с представителем, Вильсоном, который проявляет способности всемірнаго полицейскаго.

Кто не помнит Колорадовскую забастовку 1913 года, когда во время защиты капитала были убиты мужчины, женщины и дѣти по тому же примѣру закону русских палачей, наслѣдіе которых перешло по родству за океан? И много других стачек, которыя также взяли от трудящагося народа много жертв!

Как странно, что царскіе порядки завелись здѣсь так скоро. И свободная Америка стоит уже на высотѣ своего величія: ненависти к чужестранцам, жестокости к сознательным рабочим и хладнокровнаго высасыванія соевих равноправных и чужих непокорных рабочих.

Послѣднія событія этой страны отодвинули американскую демократію на сто лѣтъ назад и неизбежно ведут ее к гибели своими репрессивными мѣрами.

Революціонерам здѣсь стало жить невмоготу, как было там при царѣ, и они будут иммигрировать в другія страны, а больше всего в Совѣтскую Россію, как страну новомоднѣйшей свободы. И Россія дает изгнанникам возможность проложить тот же свободный идейный путь к творчеству на широком поприщѣ революціонной дѣятельности, часть которой предоставлялась возможной в Америкѣ только до войны.

Высылка нежелательных элементов из страны „свободныхъ идей“ уже подтверждает дѣйствія империалистической демократіи. Дальнѣйшія преслѣдованія возможно встрѣтят сопротивление, и тогда настанет пора революціоннаго подготовленія отдѣльных личностей, которыя будут вести агитацію в массах народных. Опасность сдѣлает из них героев революціоннаго духа, и они, подобно русским, сумѣют выдержать борьбу и отстаивать свои права перед темной реакціей.

Припоминая мрачное время царствованія русских царей и послѣдняго Романова Кровавого, когда русская реакція в 1905—7 и 8 годах до того усилилась, что всякій уряд-

ник, пристав и околоточный надзиратель по своему произволу могли уличать человека в подозрѣніи к преступленію, за которое грозила ссылка в Сибирь на каторжные работы. Смѣлость и дерзость полицейских и шпіонов возросла до того, что революціонерам приходилось терроризировать полицейскіе гнѣзда и убивать болѣе опасных полицейских и чиновников, т. к. неминуемо грозили кандалы и каторжные работы в холодной Сибири.

Не будем упоминать о болѣе видных революціонерах и передовых террористах, которые в свое время интересовали нас и, безусловно, заслуживают благодарности русскаго народа. Но теперь нас интересует болѣе всѣх революціонеры из самаго народа рабочаго и крестьянства. Один из таких был нѣкто Чириков, по происхожденію крестьянин. Он был выслан из Одессы в 1907 году, как неблагонадежный, но во время своего пребыванія в Одессѣ он испытал всѣ ужасы пыток околоточнаго надзирателя Панасюка. Этот звѣрь-инквизитор над политическими преступниками дошел до того, что немилосердно избивал свои жертвы, приговаривая: „я не боюсь жидовской бомбы“.

И вот этот революціонер-крестьянин рѣшил во что бы то ни стало отомстить ему за всѣ пытки. И как только ему удалось убѣ-

жать из ссылки, он немедленно явился опять в Одессу с цѣлью исполнить свое намѣреніе. При выходѣ Панасюка из участка с двумя охранниками Чириков бросил бомбу, которая удачно взорвалась, и хотя хвастливый палач и не боялся бомбы, но та сдѣлала свое дѣло по волѣ мстителя: от трех полицейских остались только мокрыя мѣста, да шкуры их висѣли на телеграфной проволоцѣ...

За свой террористическій акт Чириков подвергся смертной казни. Простившись со своими товарищами он, как герой, встрѣтил смерть со словами: „Я, товарищи, — говорил он — не умираю, а наоборот только что родился в тот день, когда уничтожил этого паразита“.

Как поступать в данном случаѣ предоставляю право судить вам, товарищи. Много Панасюков есть в Америкѣ свободной, и много наших товарищей переносят пытки, какія когда-либо проявлялись в человѣческом обществѣ.

Обязанность же каждаго честнаго и самоотверженнаго революціонера и в настоящее время слѣдовать примѣру товарища Чирикова.

Долой поработителей и палачей человѣчества! Да здравствует умственная и физическая сила.

И. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГОЛОС КАТОРЖАН.

Довольно вам, тираны, издѣваться с нас;
Довольно нашей крови и страданія для вас;
Довольно нас мучить и — горы копать,
Вѣковые камни долбить и щепать.
И гдѣ дикіе утесы, нависли над рѣкой,
Как памятники, стояли и громоздились горой
Мы раскопаем и построим там дом.
Туда нас загоняют и держат в нем.
Мы долго работали и служили
И всю силушку задаром сложили.
И в цѣпях мы томимся от тяжёлых мук.
Мы устали, и жгучая боль наших рук
Под упившимися цѣпями, как змѣей,

В зимній холод и лѣтній зной
Терзала наше сердце и леденила кровь.
Мы просили правосудіе и вѣрили вновь,
Что придет скоро страданіям конец,
Когда услышит наши стоны властитель-отец:
Но не умолило его сердце и безчестна рука,
И совѣсть людей злых оказалась глуха.
Как больно о волѣ вспоминать порой,
Глядя на кровь, текущую струей
Из-под кандалов наших рук и ног
Неужели весь мір забыл нас и оставил?
И никто нас до сих пор не избавил.
Не услышит и глухо-нѣмый Бог!

Ст. Нов.

В ПЛѢНУ СВОДЫ.

Средь коварных людей,
Безнадежных друзей —
Невыносимо скучно жить,
И средь прелести дня —
В неволѣ жгучаго огня
Не легко работать и служить.
Кого обвинять,
Что предпринять?
Нѣтъ твердаго рѣшенія.
И, кажется, одѣтъ и сытъ,
Но одолевает гнѣвъ и стыд —
Это просто мученіе!
И хорошо же знаю,
Что за ничто пропадаю.
Гдѣ же смѣлость и отвага.
Задумал. Может быть и пригодится,
Но уйти и волочиться,
Как бездомный бродяга.
На волю бы скорѣе;
А там „утро вечера мудренѣе“,
Если силы смогут?
Или друзьямъ вѣрным признаться;
Не сжалятся, так устыдятся
И может быть помогут?
Красуется весна молодая
Прелестью земного рая,
Но не для меня.
Только частицей свободы
На лонѣ дѣвственной природы
Пользуются и друзья.
Нечего надѣяться и ждать,
А скорѣе бы убѣжать
Далеко за океан.
Там справедливая борьба меня ждет:
За хлѣбом и волей идет
Русскій „ВЕЛИКАН“.

Кютсак.

СТАРАЯ РОССІЯ.

* I *

Падет презрѣнное тиранство,
И цѣпи с пахарей спадут,
И ты, изнѣженно барство,
Возмешься нехотя за труд.
Не нам, иному поколѣнью
Отдашь ты бич свой вѣковой
И будешь ненавистной тѣнью,
Пятном в исторіи родной...
Весь твой разврат и вѣроломство,
Всѣ козни время обнажит,

И просвѣщенное потомство
Тебя проклятемъ поразит.
Мужикъ теперь твоя опора,
Твой вол — и больше ничего —
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходитъ солнце земледѣльца!
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владѣльца
Давно уж точит он топор...

* II *

Постыдно гибнет наше время..
Наслѣдство дѣдов и отцев —
Послушно носит наше племя
Оковы тяжкія рабов.
И стоим мы позорной доли!
Мы добровольно терпим зло:
В нас нѣтъ ни смѣлости, ни воли..
На нас проклятіе легло!
Мы рабство с молокомъ всосали,
Сроднившись с болью наших ран.
Нѣтъ! Нас отцы не воспитали,
Не подготовили граждан.
Не мстить нас матери учили
За цѣпи сильнымъ палачам.
Увы! безмысленно водили
За палачей молиться в храм.
Про жизнь свободную не пѣли
Нам сестры...нѣтъ! под гнетомъ зла
Мысль о свободѣ с колыбели
Для нихъ невѣдомой была!
И мы молчим. И гибнетъ время..
Нас не пугаетъ стыдъ цѣпей —
И цѣпи носит наше племя,
И молится за палачей...

* III *

Тяжкій крестъ несемъ мы, братья,
Мысль убита, ротъ зажат,
В глубинѣ души проклятія,
Слезы на сердцѣ кипят.
Русь под гнетомъ, Русь болѣет;
Гражданин в тоскѣ нѣмой —
Явно плакать он не смѣет,
Сынъ об Матери больной!
Нѣтъ в тебѣ добра и мира,
Царство скорби и цѣпей,
Царство взятокъ и мундира,
Царство палокъ и плетей.

И. С. Никитин.

Свободная Трибуна

К ДИСКУССИИ О АНАРХИЗМѢ И СИНДИКАЛИЗМѢ.

Нѣсколько слов к введенію о практическом, или пролетарском анархизмѣ вообще.

Принимая во вниманіе, что анархо-коммунистическій идеал практически основан и базируется на сознаніи и самодѣятельности угнетенных масс, и, признавая это, анархисты проповѣдуют социальную революцію, которую должны совершить массы **сознательно и самостоятельно снизу ввѣрх**.

Тогда логически мы должны придти к заключенію, что первая и главная задача анархистов пойти в массу и организовать ее для исполненія этой великой миссіи освобожденія. Не так ли? Итак естественно является вопрос: как приступить и гдѣ найти массу? Но на это имѣется общепринятый отвѣтъ ввиду того, что анархизм не занимается и не удѣляет вниманія политической дѣятельности в современном общественном строѣ и его учрежденіях.

Но анархизм стремится непосредственно, т. е. прямо к абсолютной экономической свободѣ и равенству, поэтому самое лучшее полѣ дѣятельности для этой цѣли профессиональныя организациі. Тогда выходит, что анархисты должны принимать участіе в профессиональных организациях. И это все с одной стороны, но зато с другой — этот вопрос гораздо серьезнѣе, и занимает в анархических кругах очень важное и наболѣвшее мѣсто, и уже долго так толкуют, и дебатировать этот вопрос, — и одна часть высказывается за — а другая — против. Каждое из этих двух мнѣній и толкованій имѣет своих мыслящих и практических приверженцев, сторонников и послѣдователей. Но в общем и цѣлом этот вопрос стоит открытым и нерѣшенным до сегодняшняго любопытства как для синдикализма и профессионализма так и для анти-синдикалистов висит еще в пространствѣ.

Кончиться это не может так скоро и, как видно, может быть, еще долго будет продолжаться, потому что синдикаты, как открытыя, экономическія организациі и движеніе, находятся в крупном противорѣчьи с анархизмом, — противорѣчіе это состоит в слѣдующем: Синдикализм или профессионализм практически стремятся постепенно и реформаторски сократить рабочій день и повысить заработную плату. Для достиженія этого они прибѣгают к стачкам. Вожди же профессиональных организаций стараются всѣми силами и своим вліяніем провести эти стачки по возможности мирно и спокойно, внушают и объясняют при этом, что такой процесс экономической борьбы развивает классовое самосознаніе и сознаніе рабочих масс, и таким образом перейдут всѣ орудія производства в будущем к производителям. Анархическая тактика стремится посредством агитации, пропаганды и поднятіем духовно-культурнаго уровня, вообще, развить революціонное меньшинство, которое фактически всегда было и являлось во всѣх революціонных движеніях всѣх стран, и во время революціи, народной бури всегда старалось прямым дѣйствіем непосредственно быть путеводительницей и руководительницей малосознательных и пассивных масс, укаывая им и словом и дѣлом вѣрный и прямой путь к абсолютной духовной и экономической свободѣ, чтобы, таким образом, уничтожить до конца умственное и физическое рабство человѣка. И это только единственное средство может развить революціонно-бунтарскій дух масс и довести их к максимальному и коллективному освобожденію, и никакіе, другіе методы принципиально для анархиста не приемлемы, а главным образом эти методы, средства и способы близки душѣ анархиста — анти-синдикалиста.

Сравните теперь основныя мысли обѣих теорій и вы сами увидите и убѣдитесь — какая громадная, великая и глубокая разница

— между анархизмом и профессионализмом, а именно: анархизм — сам по себе — цель, идея, мировоззрение, которое внутри себя содержит научно-философскую и практическую идеологию, а синдикализм или профессионализм является только как средство для достижения цели, но для тех анархистов, которые относятся критически к синдикализму, это средство далеко не самое лучшее и желанное:

Профессиональное движение организуется в открытые, легальные организации и ведет открыто свою, так называемую, экономическую борьбу, приспособливая и примиряясь с формами, рамками и законами существующего государства.

Здесь же как раз напрашиваются те вопросы, которые требуют неотложного и ясного ответа. Может ли анархист войти в такие организации? может ли он там оставаться и продолжать свою деятельность? и может ли он успешно практиковать анархические методы борьбы?

Существующие профессиональные организации большей частью признают системой своего правления централизацию, а это уже пахнет государственной плесенью и предразсудочностью и где все ведется и указывается сверху; наоборот же анархизм признает принципиально, т. е. в теории и на практике децентрализацию, а это и означает индивидуальная и коллективная свобода и инициатива, или абсолютная независимость и автономная свобода каждой личности, каждой группы, организации и т. д. А они уже сами могут федеративизироваться и конфедеративизироваться вольно и свободно с кем кто найдется нужным, желательным и возможным, что значит — **свободное соглашение или договор, т. е. всякая санкция и контроль исходит добровольно снизу без всякого давления и принуждения большинства над меньшинством.**

Спрашивается опять таки — как может анархист принципиально входить в такое компромиссное, реформатическое и централизованное учреждение, которое есть очень близко родственным парламентаризму и которого анархисты стремятся борьбой уничтожить с корнем, т. е. подобные учреждения парализуют волю и революционное стремление масс,

и убивают в них окончательно революционный, бунтарский дух и свободную инициативу.

Синдикализм гораздо ближе и родственнее анархизму, чем американский тред-юнионизм, но все-таки даже революционный синдикализм еще очень далек от анархизма, и анархизм потерял и потерял от синдикализма гораздо больше, чем он от него извлек пользы, потому что вошедшие для карьеры анархисты были поглощены синдикатами и для анархизма — пропащими. Вот почему теперь мы ставим вопрос: могут и должны ли анархисты вступать и принимать участие в существующих профессиональных движениях? Вопрос этот требует ответа — да, или нет! Мы раз навсегда должны прийти к заключению и выработать определенное отношение по этому вопросу с решением: если да — принять участие в профессиональных организациях, тогда мы должны себя уяснить и выяснить — не противоречит ли такое решение анархическим принципам; если же мы решили не принимать участия в профессиональных организациях, то тогда мы должны всеми силами по возможности подыскать ключи к этой тайной, но серьезной загадке, как приступить и подойти к широкому трудящемуся массам, которые в сущности являются создателями, творцами, носителями и борцами за идею социальной революции.

Мы видим эти массы в профессиональных организациях, и нас тянет и толкает туда, где эти компактные (плотные) массы находятся; нам кажется, что только там, где эти темные безсознательные массы есть, это самое лучшее поле деятельности, на котором мы сумели бы сыграть и проповедывать идеи анархизма, и сама жизнь нас толкает своей могучей суровостью туда из-за существующих индустриальных условий современного капитализма.

Но анархизм как идея стоит перед нами, как гигантская скала, заслоняя дорогу, не пускает нас идти туда? В профессиональные организации.

Странная и удивительная запутанность! Такая колоссальная социальная проблема должна же в конце концов разрешиться, ведь невозможно и даже быть не может, чтобы

теорія анархизма, як міровоззріння і міросозерцання общечеловѣческаго идеала, не была в состояннн дати отвѣтъ на этот вопрос, и чтобы он в цѣлом оставался всегда висѣть в воздушном пространствѣ.

Вѣдь мы не ставим вопрос так, как часть русских социал-демократов во время первой русской революціи в 1905 году о милитаризмѣ, что принципиально они против милитаризма, но временно для революціонной тактики они рѣшили принципиально не дезертировать, дабы там в арміи вести свою революціонную пропаганду среди солдат и матросов.

Мы же теперь не поднимаем вопрос, что должны ли мы идти в профессиональныя организаціи для использованія их, как аудиторіи для распространенія анархо-коммунистическихъ идей. Но гораздо шире стоит перед нами вопрос нашего отношенія к рофесіональнымъ организаціям, как экономическій фактор, который уже имѣетъ значительную роль в общественной жизни и главную роль котораго собой представляютъ экономическія организаціи в будущемъ свободномъ обществѣ.

Синдикаты стремятся, хотя на практикѣ, эволюціонно, мирно и постепенно к полному переходу частныхъ орудій производства и передачѣ их в общественное пользованіе, и превозгласить свободу, равенство и братство, как основу новаго, свободного общества.

Эти то цѣли в сущности близки к анархизму, но зато дорога, средства, методы и тактическіе приемы борьбы профессионалистов очень чужды и далеки от анархизма, и на весьма сложный вопрос мы должны подыскать и дать удовлетворительный отвѣтъ. И лишь только тогда наше отношеніе к этому вопросу не будетъ загадкой, когда мы выяснимъ себѣ всю важность его, хотя это очень трудная задача и сложная проблема, но разрѣшить же это мы когда-нибудь все таки должны.

Я прихожу к заключенію, что каждый рабочій долженъ принимать участіе в профессиональномъ движеніи и главнымъ образомъ в революціонно-экономическихъ организаціяхъ, ибо к этому его принуждаетъ современная капиталистическая система и современная

форма индустріальнаго развитія, ибо условія и положеніе капиталистической современности толкаютъ рабочихъ на повседневную борьбу за существованіе, и это уж значитъ — борьба труда противъ капитала, т. е. классовая борьба — революціонная и непосредственная.

* II *

Нѣсколько словъ о теоріи и практикѣ вообще.

Теорія и практика в сущности явленія разныя и значеніе ихъ различное, и когда говорятъ о теоріи и практикѣ вообще, то для массъ в общемъ практика — практичность и практическіе результаты играютъ главную роль а различныя идейныя теоріи имъ непонятны, иногда даже чужды. Но анархисту (какъ идейной личности) далеко ужъ не безразлично: онъ старается практику совокупить с теоріей и сдѣлать с этихъ двухъ отдѣльныхъ частей одно цѣлое, и согласно этой теоріи и практикѣ дѣйствовать.

Поэтому анархист, желая войти в профессиональное движеніе, долженъ заранѣе знать, что дѣлаетъ этимъ своимъ поступкомъ громадный компромиссъ с анархизмомъ, и, вступая туда, онъ вынужденъ отказаться отъ социальнo-политической части анархизма и также от революціонной тактики анархизма, а оставаться только научно-философскимъ анархистомъ, если, вообще, возможно раздѣлять на части теорію и философію анархизма.

Лишь только при такомъ ясномъ и сознательномъ услови, возможно признать и принимать участіе в профессиональномъ движеніи, оставаясь в то же самое время приверженцемъ анархо-коммунистическихъ идей.

Но ни в коемъ случаѣ, товарищи, не связывать судьбу анархизма с профессиональнымъ движеніемъ, ибо они расходятся и противорѣчатъ другъ другу какъ в теоріи такъ и на практикѣ и в тактикѣ.

Я лично сомнѣваюсь и очень даже серьезно — в особой и отдѣльной силѣ нелегальныхъ анархическихъ группъ, что онѣ будутъ в состояннн и в силахъ осуществить конспиративными средствами и методами социальную революцію безъ организованныхъ, трудя-

щихся народных масс, ибо если рабочий класс один в целом не может явиться и стать освободителем всего человечества, то тем паче группы, навѣрное, сами не сумѣют сдѣлать и провести социальный переворот.

Единственная и важная задача, которая предстоит для разрѣшенія в настоящее время, всецѣло возлагается на такія крайнія идейныя анархическія группы, которыя должны существовать и продолжать свою полезную работу и общую дѣятельность для подготовки побольше идейных работников по распространенію анархических идей.

Совершенно отдѣльно такія группы могут и должны существовать от профессиональнаго движенія. Эти идейныя группы будут в состояніи в борьбѣ во время борьбы организовать массу, а не организовать массу для борьбы, как это хотят профессионалисты.

Однажды один анти-синдикалист выразился в одном анархическом органѣ под названіем „Бунтарь“: Анархическое положеніе гласит — дѣйствуя организуйтесь, а положеніе профессионалистов гласит — организуйтесь для дѣйствія.

Я, собственно говоря, с такой точкой зрѣнія не согласен и в целом ее не раздѣляю. Я как раз другого мнѣнія, что только сознательныя организованныя силы способны предпринять и вести побѣдоносную борьбу, но я признаю и важность существованія внѣ профессиональных организаций анархических групп, которыя будут распространять идеи анархизма среди трудящихся масс — и в одно и то же время готовить революціонное меньшинство, которое фактически явится авангардом словом и дѣлом во время социальной революціи.

Если анархисты признают в настоящем практически дѣйствовать по своим убѣжденіям, то тогда они не могут принимать участія в профессиональном движеніи, потому что, существующія профессиональныя организации, болѣею частью централизованы и все без исключенія практически реформистскія и компромиссныя.

Система правленія существующих профессиональных организаций демократическая, и воспитаніе масс там проводится тоже через демократическія комбинаціи, — и в своем заключительном итогѣ такое политичес-

кое воспитаніе способствует воспринятію идей государственнаго социализма, гдѣ личность для них ничто, а общество — все.

Все это идет в разрѣз с анархическим коммунизмом; и спрашивается — как может анархист принимать участіе в таком движеніи?

Если анархисты признают, что освобожденіе рабочаго класса — дѣло самих рабочих, то и социальную революцію сдѣлают только массы рабочих, но не анархисты сами без помощи масс.

И так как рабочія массы на ряду с развитіем капитализма вынуждены организовать себя в профессиональныя и индустриальныя организации, чтобы быть в состояніи вести повседневную борьбу для защиты своих интересов против эксплуатирующих предпринимателей, то опять все таки выходит так, что анархисты, желая подойти к массам и жить с ними по указанным уже мотивам, должны вступать в эти экономическія организации, дабы не остаться внѣ масс.

И вот эти то мотивы, товарищи, являются краугольным камнем — этой неисчерпывающей дискуссіей по отношенію анархизма к профессионализму.

Не принимать участія в профессиональном движеніи, значит — остаться снаружи, внѣ их, или просто игнорировать, обойти, не признать такой могучій, общественный фактор, каковым является профессиональное движеніе во всех странах.

Цѣль экономических организаций очень родственна и близка анархизму, ибо онѣ, стремятся к уничтоженію частной собственности.

И мы еще должны принять во вниманіе, что, будучи анархистами и работая на фабрикѣ или в мастерской, мы вынуждены принимать участіе в повседневной борьбѣ, которая непрерывно продолжается между трудом и капиталом.

Вести борьбу рабочіе могут лишь только тогда, когда они организованы, объединены, а не раз'единены, и организовываются они по профессіям или индустріям; слѣдовательно, мѣстом борьбы является экономическая организация и единственным средством борьбы — стачка, как главное орудіе рабочих против капитала.

И наконец мы, анархисты, сами признаем значение объединения организаций, но мы еще добавляем к этому и придаем значение необходимости развития сознания и революционную деятельность в этих экономических организациях, т. к. замѣчается общая тенденция всѣх рабочих во всѣх странах, как в болѣе цивилизованных и индустриально развитых и менѣе развитых, которые стремятся организовать на профессиональной или индустриальной почвѣ всѣх рабочих, которые в будущем должны будут перенять всѣ орудія производства и всю частную собственность вообще, и реорганизовать или преобразовать это в собственность общественную, как я сказал уже выше, что цѣль экономических организаций почти одна и та же, или во многом очень близка анархизму, но зато путь и средства достижения очень далеки от анархизма.

Если же да, — принимать участіе в существующих экономических организациях, то для каждого рабочего вообще и для каждого анархиста рабочего тоже является насущной необходимостью, которой жизнь и условия диктуют для идеальных и практических цѣлей включительно, то тогда анархисту приходится отказаться от „дѣйствія дѣлом“ согласно своим убѣждениям, которые служат главным образом предметом пропаганды на окружающих, что анархисты и дѣлают, т. к. они сами сознают и проповѣдуют это.

И потому еще, что анархисты, вступая в существующія экономическія организации, практически отказываются от принципа федерализма, свободного соглашения и от принципа децентрализма вообще, и, вступая в существующія экономическія организации, при таких условиях каждый анархист становится демократом потому только, что он начинает и вынужден принимать участіе в централистическом движеніи и организации, которая проводит всѣ свои рѣшенія посредством демократических принципов, т. е. большинства голосов, а меньшинство становится и остается всегда недовольной и неудовлетворенной стороной, которая должна подчиняться желанію и воѣ большинства.

Может это случиться даже так, что в одной из таких организаций, гдѣ насчитывается 1.000 человекъ, был поднят какой-либо вопрос общаго характера и значенія общей важности и ввиду разногласія этот вопрос был поставлен на голосованіе, и 501 член высказался за — а остальные — против, и таким образом в результатѣ выходит, что 499 членов должны безпрекословно выполнить и подчиниться приказу и закону большинства из-за дисциплины демократизма, и из-за одного голоса, т. е. из-за одной личности должны пострадать и мучиться 499 личностей, которые имѣют несчастье называться меньшинством поневолѣ, по принужденію.

Вдумайтесь теперь, товарищи, в этот безумный абсурд демократизма, который составляет из-за одной личности терпѣть и страдать цѣлым сотням и тысячам личностей?

И вот при таких то условиях и обстоятельствах придется анархисту работать в профессиональном движеніи, принципы котораго ему ненавистны, чужды и противны, а главным образом расходятся с основными началами анархизма, который противопоставляет демократическому централизму свободный договор и соглашеніе на автономных и федеративных началах децентрализации, гдѣ личность может и должна быть всегда независима и абсолютно свободна, т. е. не властвовать и не быть подвластным.

Но раз анархисты должны, или обязаны, или вынуждены принимать участіе в профессионально-экономическом движеніи, то это тогда лишь возможно, если они заранее будут знать, что этим поступком они дѣлают громадный компромисс со стороны анархизма, т. е. этим предпріятіем „вступленія“ они раскалывают ученіе анархизма на двѣ части и отказываются в цѣлом от социально-политической части анархизма, потому что анархизм не признает власть и государство в какой бы формѣ оно ни было, а также — и парламентаризма в частности и вообще как единственные правдивыя учрежденія государства, которое якобы является защитником и освободителем человечества по понятіям и убѣжденіям демократов.

Но анархизм как раз наоборот признает, учит и доказывает, что всякое государство является не только бесполезным, но даже вредным учреждением для свободного и равного человечества, т. к. оно служит интересам имущих — богатых классов, из-за которых всякое государство существует, и их только охраняет и защищает, и вмѣстѣ с ними грабят и обирают трудящихся и продуктивно-созидательныя массы.

И парламентаризм же не менѣе вреден, чѣм государство, ибо и он был создан с цѣлью убить в рабочих массах революціонный, бунтарскій дух и повести рабочих по пути медленных и постепенных реформ, дабы удержать на дальше в безропотном покорном рабствѣ рабочій класс и трудовое крестьянство. И естественно поэтому что безкомпромиссный анархизм не может согласиться и признать эти професіональныя движенія, которыя пропитаны насквозь демократическим централизмом и компромиссным реформизмом, который стремится легально, постепенно и мирно получить большую долю прибавочной стоимости, остающейся капиталисту, и в своей экономической борьбѣ професіоналисты не ведут прямую непосредственную борьбу против государства, а лишь игнорируют послѣднюю, подраздѣляясь на части по отношенію революціи, отодвигая на практикѣ и средство воспитанія борьбы ея в сторону.

Анархисты же своей борьбы не раздѣляют как в теоріи так и на практикѣ. Идея же анархизма воспитывает и развивает сознание между трудящихся масс и готовит их

к воспринятію теоріи о безвластном коммунизмѣ, который означает полное политическое, экономическое и духовное освобожденіе общества и личности.

Главный лозунг анархизма: „от каждого по способностям и каждому по потребностям“. Этим наслажденіем, естественным человѣческим кладом жизни, выражается великолѣпіе и коренится глубина анархическаго — безвластнаго коммунизма, который стремится к свободному автономному и федеративному общежитію всего человечества, настоящее положеніе котораго неизбежно ведет современное поработенное общество людей в будущее безобидное равное состояніе и довольство всѣх трудящихся, а для уклоняющихся от труда, разумѣется, не будет мѣста в будущем обществѣ свободных работников, на которых и лежит обязанность исцѣленія послѣдних от позорнаго недуга.

Примѣчаніе: На эту тему помѣщались уже статьи тов. Перкуса в еженедѣльном органѣ федераціи Союзов Русских Рабочих „Хлѣб и Воля“; но ввиду разгрома федераціи и растлѣвающего вліянія професіонализма на членов Союзов Русских Рабочих, мы рѣшили дать краткое обозрѣніе к дискуссіи о анархизмѣ и синдикализмѣ вообще. Может быть этот повторительный акт еще раз напомнит нам и возобновит всю прелесть нашего чистѣйшаго идеала — безгосударственнаго коммунизма.

Редакціонная Коллегія.

Отвѣтъ товарищу Я. Сибирскому

На столбцах газеты Голос Труженника №78 под заглавіем Свободная Трибуна насилие был сформулирован вопрос о принятіи под теплое крылышко Индустріальной Администраціи разгромленных членов Союзов Русских Рабочих.

Вопрос этот поднимается тов. Сибирским с того, что рабочіе, привыкшіе к ор-

ганизациям, интересовавшіеся саморазвитіем, а также и подготовленіем новых кадров революціонных борцов за освобожденіе человечества, ищут выхода и не находят.

Я спрашиваю, а что же им мѣшает к дальнѣйшему саморазвитію, привычкам к организациям, подготовленію новых кадров революціонных борцов и к тому выходу, ко-

торого ищут и не находят? Развѣ они, рабочіе, находятся взаперти физическом и духовном? Да, за неимѣніем свободной дискуссіи рабочіе блуждают! Это вѣрно.

Странно, что до сих пор ни Сибирскій ни редакция Г. Т. не обратили на свободную дискуссію особаго вниманія, а только с разгромом союзов русских рабочих этот вопрос стал для индустриалистов болѣе злободневным, чѣм он был до сих пор.

Сибирскій думает, что это дискуссированіе по злободневному вопросу разгромленных союзов русских рабочих принесет огромную пользу в том смыслѣ, что „рядовые рабочіе“ смогут разобраться по данному злободневному вопросу.

Могу-ли я так же думать, как и тов. Сибирскій, что и в правду „чиновники рабочіе“ не предоставляли свободной дискуссіи „рядовым рабочим“?

Если так, то в индустриальной ли организации подразумѣвает тов. Сибирскій чиновников и рядовых?

Я больше чѣм увѣрен, что „сознательный тов. Сибирскій“ постыдится дать ложный отвѣтъ на мой запрос, т. к. я сам работаю в индустріи и даже стальной и отлично понимаю индустриально-професіональные союзы или организации, во главѣ с Главным Центральным Комитетом, к которому, конечно есть чиновники, т. к. и есть **рядовые**, порабощенные предприниматели и своими чиновниками в Одном Большом Союзѣ И. Р. М.

И я буду очень рад, если только сознаніе позволит тов. Сибирскому повторить и разъяснить мнѣ болѣе наглядно, как своему ученику, гдѣ и в какой организациі можно найти или хотя подразумѣвать между рабочими рядовых согласно вашему выраженію или мнѣнію, а раз вы упомянули о рядовых, то, само собой разумѣется, что должны быть между рядовыми и чиновниками.

Теперь переходим к смѣлым нападкам Сибирскаго, гдѣ мнѣ необходимо подчеркнуть слова Сибирскаго, душевнонаболѣвшей и растроенной его мысли, в которой он, безусловно, судит идею анархо-коммунистов так бѣдно, как он ее понимает, а именно: „Если бы союзы русских рабочих — говорит Сибирскій — предоставляли (вместо пред-

ставляли) из себя сплоченную массу глубоко сознательных анти-синдикалистов, то подымать этот вопрос совершенно не слѣдовало бы. Но при всем желаніи „нѣкоторых“ анти-коммунистов доказать, что союзы анти-синдикальны я этому не вѣрю, ибо был сам в союзѣ, а также бесѣдовал со многими товарищами. Кромѣ того масса рабочих, наполнявшая „ряды“ С. Р. Р., не представляет собою (как и всѣ другія организациі) **строго** опредѣлившихся личностей, и готова на размышленіе и иные выводы, чѣм тѣ, которые преподносятся ей готовыми нѣкоторыми фанатиками.

Этот вопрос — добавляет Сибирскій — болѣе всего касается членов Союзов Р. Р. и им принадлежит первое слово”.

Да если бы Сибирскій был болѣе свѣдущ в работѣ С. Р. Р., то, конечно, он не поднимал бы этого вопроса. Сибирскому не трудно было бы убѣдиться в сознаніи членов С. Р. Р. о их тактикѣ саморазвитія и подготовкѣ честных неустрашимых революціонеров о их смѣлой широкой работѣ, которая заставила о себѣ заговорить за два послѣдних года, еслибы товарищ Сибирскій побывал в С. Р. Р. не только сам, а вдобавок и с своим еще умом, то узнал бы еще больше.

Если тов. Сибирскій — соловей, то какой осел мог посылать его учиться пѣть к пѣтухам, и наострится от них столько, сколько нужно для того, чтобы пойти в С. Р. Р. быть там, бесѣдовать и узнать от них столько немудрой премудрости, сколько надо для того, чтобы безсознательно осудить послѣдних насколько они синдикалистичны или антисиндикалистичны, — и как скоро Сибирскій мог опредѣлить всю несплоченную массу С. Р. Р. в ея взглядах на **революціонную** борьбу и вынести такое заключеніе, что она готова на размышленія и иные выводы, чѣм тѣ, которые исходят уже готовыми от нѣкоторых фанатиков.

О каких фанатиках вы говорите? Не тѣх ли, которые являются не чиновниками демократическаго професіонализма, а честными и безпристрастными революціонерами?

Если да, то зачѣм их порицать за то, что они подготовили массу, способную на **разныя размышленія и иные выводы**, предо-

ставляя ей свободу дѣйствія — непринудительный выбор.

Вы замѣчаете и находите в Союзах Р. Р. членов и массу (как вам кажется), которая не представляет собою строго опредѣлившихся личностей, и стоит только махнуть хвостом, как они — эти союзы и разсыплются во всѣ стороны и большинство из них в один миг перебѣжит к И. Р. М., только потому, что С. Р. Р. не имѣют и не понимают порядка И. Р. М. и не примѣняют дисциплины профессиональнаго демократизма. Там нѣтъ никаких законов, которые могли бы удерживать русских рабочих, а какая то вольность, свобода дѣйствія солидарности и добровольнаго соглашенія. И члены почему то не бѣгут к ним и не убѣгают от них. Нѣтъ принужденія, нѣтъ насилія у них, а главное между „фанатиками“ как на зло нѣтъ обманщиков. Не так ли вам кажется и представляется ваше краткое обозрѣніе безпочвенности С. Р. Р. и фанатизма анархизма?..

Я не против критики. И всякая идея, которая боится критики не основательна. И я хотѣлъ бы сократить эту утомительно-вялую дискуссію, т. к. анархизм нисколько не страдает от критики, а наоборот идея Безгосударственнаго Коммунизма еще болѣе развивается. Да и тов. Сибирскій не вызывает на глубокую идейную или теоретически-практическую дискуссію, а только предоставляет первое слово членам С. Р. Р. возражать на свои нападки, а потому я буду отвѣчать на каждое слово каждой его мысли, доказывая этим его же нарочное заблужденіе, которому он вѣрит и не вѣрит, странствуя то в С. Р. Р., то в Одном Большом Союзѣ И. Р. М.

Дальше Сибирскій берет качество основной истины и творит из него такую форму, от которой вряд ли кто из многих мог бы отказаться. Я, пропуская слова **честные рабочие**, т. к. признаю их всѣх такими, буду лучше употреблять слово сознательные или наоборот. Он говорит: „мы рабочие стремимся к устройству такого общества, в котором не будет мѣста эксплуатаціи чловѣка чловѣком и гдѣ всякій индивид будет удовлетворять своим потребностям, не спрашивая на то чьего нибудь разрѣшенія и производя столько сколько он может, не подчиняясь чье-

му бы то ни было приказанію, т. е. такое общество должно быть на столько свободно, на сколько это может представляться нашему воображенію“.

Конечно, с этим будут согласны „рабочіе“, но **сознательные рабочие** еще нѣтъ. В отличіе от честных рабочих, которые будут удовлетворены в своих экономических потребностях, рабочие сознательные потребуют еще и удовлетворенія духовнаго. И как вы их удовлетворите? Не опять ли тѣм же заработком только и восьмью и шестью часами ежедневно? Это как раз хорошо с одной стороны чловѣка, но с другой — как в настоящем так и в будущем обществѣ чловѣку нужна и его духовная пища. Я не указываю этим, что у вас ее нѣтъ; безусловно, вы ее дадите чловѣчеству, только я сомнѣваюсь в том, что она будет очень близкородственной с настоящей. Хотя об этом не стоит и говорить, т. к. чловѣчество будущаго общества не остановится на том, что будет предложено, а само найдет выход...

И только способ достиженія не одинаков — на чем мы и расходимся. Но цѣль одна и та же, за исключеніем, что анархисты дальновиднѣе и всестороннѣе относятся к борьбѣ. Так при чем же здѣсь необходимое объединеніе С. Р. Р. с И. Р. М? Развѣ для того только, чтобы всѣчестные и сознательные вмѣстѣ подчинились демократической централизаціи? Предположим для борьбы да, но послѣ вѣдь они и захотят жить вольнѣе, а слѣдовательно должны вести еще борьбу, чтобы освободиться и от послѣдняго зла, которое будет отростком стараго.

Тов. Сибирскій от способов борьбы и жизни опять переходит к своим нападкам, не предлагая ничего от себя принципиальнаго, а только вскольз намекает о своей автобіографіи... И я „вволею судеб“ тоже ввигаюсь за ним, чтобы довести дискуссію до конца.

Не буду перечислять все то, что Сибирскій предлагает уничтожить и гдѣ и что устроить. Оставляю также в покое и ячейки **новаго общества в оболочкѣ стараго**. Пусть себѣ спокойно сидит насѣдка — Индустріальная Демократія до вывода своих дѣтенышей — новых законов. Но мнѣ кажется шаловливый мальчуган может ее согнать еще не раз

с вещей не то что из любопытства, а так просто из-за инстинкта свободного дѣйствія.

Я все это признаю полезным, что Сибирскій говорит. Его рѣчь, безусловно, революціонна и без сомнѣнія заслуживает вниманія в индустриальной средѣ, но по отношенію к союзам русских рабочих отнюдь нѣтъ.

Такія мнѣнія и предложенія уже давно повторялись в Союзах Русских Рабочих. Еще задолго до разгромов С. Р. Р. вопрос о социальной революціи был и есть вопросом еще болѣе злободневным, чѣм вопрос о соединеніи Союзов Р. Р. Индустриалистами.

Теперь только вопрос о социальной революціи поднимается тов. Сибирским: Он предлагает соединиться всѣм, как рабам, против одного врага — капиталистической системы. Гдѣ же он был раньше разгромов Союзов Р. Р.?

Нѣтъ Сибирскому не важно это призваніе которое он употребляет как орудіе для вербовки малосознательных в Союз И. Р. М., а важно еще то, что это призваніе найдет сочувствіе со стороны Союзов Р. Р., члены которых, оставшись без федерации временно, склонились бы под покровительство централизаціи И. Р. М.

Но Сибирскій этим глубоко ошибается: Федерация С. Р. Р. внутри их. Она была разбита. Людей выслали, но на мѣсто их новые пришли.

Я бы не совѣтывал Сибирскому безпокоиться и не быть таким добрым, чтобы задаром расточать свои совѣты в чужой ему бѣдѣ.

Сибирскій задает вопрос этот потому еще, что ему пришлось слышать упрек на одном собраніи назвал другого дезорганизатором и предателем идеи анархизма только за то, что тот призывал рабочих вступать в союз И. Р. М.

Но это еще не есть достаточная причина для того, чтобы и Сибирскій был дезорганизатором. Спор двух товарищей — членов Союза Р. Р. еще не дает вам повод на такое предпріятіе, которое вы, дорогой товарищ, слышали на одном собраніи, гдѣ ссорятся дезорганизаторы и предатели.

Я должен замѣтить Сибирскому бессмысленность его вопросов экзаменціоннаго

характера. Тов. Сибирскій хочет узнать знаніе членов Союзов Р. Р., напримѣр, он спрашивает: „Страдает-ли идея анархизма от того, что она несется в широкія массы и проповѣдывается в рабочих союзах“?

Абсолютно нѣтъ. Если бы она страдала от своего распространенія в широких массах, то зачѣм ее было бы и проповѣдывать?! Идея анархизма ни в коем случаѣ не страдает от того, что она несется в широкія массы и проповѣдывается в рабочих союзах и вездѣ, гдѣ только оказывается благо-плодотворная почва. Мнѣ могут возразить, как же нѣтъ, не страдает, когда численность анархистов не значительна? На это поясню слѣдующими причинами: во-первых, идея анархизма проповѣдывается безпристрастно, т. е. она не вербует членов и не желает, опровергая таковой акт постыднаго обмана и насилія, т. к. для нея не важно количество, а качество; во-вторых идеѣ анархизма на первом шагу предстоит сѣять сознаніе, нести свѣточ науки перед организованіем и во время организованія масс, дабы они могли уразумѣть всю суть их положенія и окружающаго міровозрѣнія и міросозерцанія; в третьих, поднимать массы в духѣ революціонно-сознательном, в духѣ бунтарском, который уже не может уснуть или быть усыпленным корыстолюбивцами.

Идея анархизма, правда со стороны, и пострадала, как кажется близоруким, но она страдает гордо, как гордилась своими страданіями всегда, или иначе говоря, идея не страдает от того, что ее преслѣдуют, а наоборот она придает послѣдователям своим революціонную отвагу и жало мести по отношенію к „палачам“. Не думайте также, что идея анархизма страдает из-за таких личностей и дезорганизаторов каким вы осмѣливаетесь быть! И временное пораженіе от темных сил власти и капитала является ничѣм иным как обыкновенным послѣдствіем анархизма и всякой другой идеи от противников.

„Должен-ли всякій, считающій себя ушедшим вперед (я лично считаю бсѣх, не принимающих участія в прямой борьбѣ, стоящими на мѣстѣ, независимо от идеала, проповѣдуемаго отдѣльным индивидом) поднять своего товарища до высшей ступени или степени развитія“?

Какая бессмысленность и запутанность вопроса — должен ли всякий тот, ушедший вперед и не принимающий участия в прямой борьбе, стоящий на мѣстѣ, не независимо от идеала, проповѣдуемаго отдѣльным индивидом поднять своего товарища до высшей ступени развитія.

Конечно он должен сдѣлать все то, что ему позволяет его разум, и как он его ведет по ступеням развитія по отношенію к своему товарищу, т. е. всякій тот, стоя ли на мѣстѣ или подвигающийся вперед, а должен непосредственно, если может, помочь своему товарищу в его низшей и высшей ступени развитія.

Считающій лично всѣх ушедших вперед, тов. Сибирскій не знает как далеко еще надо самому двигаться вперед для того, чтобы принимать, или не принимать участіе в этой прямой борьбѣ и независимо от идеала стоять на мѣстѣ или двигаться дальше, быть одному ли или вмѣстѣ.

Я не желал бы искаженія вопросов, но совѣтъ мой и отвѣтъ мой Сибирскому лучше не спрашивать, или не „задавать“ их, если он не увѣрен в корректности и важности таковых.

Но я взялся отвѣчать и должен продолжать. Надѣюсь, что мнѣ в другой раз яснѣй и прямѣй поставлены будут вопросы.

„Должен ли рожденный в Россійской Имперіи, рабочій, называющій себя революціонером, бороться лишь за свободу русскаго народа и вѣчно говорить о Россіи, или же для революціонера нѣтъ націй, нѣтъ дома, а есть два класса — эксплуататоров и эксплуатируемых, а слѣдовательно в борьбѣ нужно вступать вездѣ, куда нас занесла непогода“?

Я не знаю по чьему адресу тов. Сибирскій „задает“ этот вопрос. Мнѣ кажется что ни одна радикальная организація не идет так узко національно, тѣм болѣе Союзы Р. Р., между которыми нѣтъ национальных революціонеров и высылка их из предѣлов С. Ш. А. еще не доказывает, что она является таковыми. А что они „вѣчно“ говорят о Россіи, то понятно, что это есть их колыбель — родина, в которой они надѣются жить, далеко от ненависти американской. И кто им может указать?

Кто и как может остановить и не пускать их в Россію, когда в Америкѣ их арестовывают, бьют и высылают из страны как нежелательных при насмѣшках 100% идиотизма „проминентнаго“ стомилліоннаго народа американскаго.

„Для революціонера нѣтъ націй, нѣтъ дома“, а развѣ революціонер анархист просился домой к своей націи, а между прочим его послали, т. к. таких не могут терпеть здѣсь. А поэтому обвинять их в суровой революционности не приходится, т. к. этим нельзя смягчить их бунтарскаго духа.

„Должен ли революціонер пренебрегать повседневной борьбой, отговариваясь ея мелочностью, и в тоже время пользуясь плодами борьбы других товарищей за улучшенія на фабриках и заводах“?

Здѣсь Сибирскій опять запутался: он смѣшивает эволюцію с революціей — эволюціонера с революціонером, ставит повседневную мелкую борьбу за достаточную революціонность в ничтожном улучшеніи на фабриках и заводах.

Такой революціонер в повседневной борьбѣ, конечно, не должен пренебрегать борьбой или пользоваться трудами и плодами других товарищей, да и закѣм ему прятаться за спины товарищей, т. к. подобная повседневная „рево-эволюція“ ничуть не возбраняется законом. А порицать дѣйствительных революціонеров за то только, что они не хотят развлекаться повседневщиной — несовмѣстно.

„Может ли революціонер во имя шкурнаго вопроса отказаться от идеи и заявлять открыто, что, мол, я не против вашего правительства и т. д.? Не унижает ли это званія революціонера“?

И каких же революціонеров Сибирскій воображает, которые ради своей шкуры отказывались от своей идеи и открыто заявляли, что они не против „вашего“ или „Сибирскаго“ правительства. По какому адресу вы шлете свои пытки „задаваніем“ таких дерзостей и мерзостей?

Не сам ли Сибирскій унижает званіе революціонера?

Вы же сами понимаете и знаете, что вы лжете и нападаете своими вымысленіями на тѣх революціонеров-анархистов, которые

уже всему человечеству доказали свою революционность.

Спросите у своих мнимых врагов — власти и капитала и они вам скажут за „ваше“ или против „вашего“ правительства анархисты. Спросите у сыщиков и охранников — дрожали ли за свою шкуру анархисты-революционеры, когда их избивали в Нью Йорке и других городах — и они вам скажут, потому что они, тираны, были очевидцами. За что же их преследуют, арестовывают, бьют, выслают и гноят в тюрьмах. Не за то ли что они отказываются от своей идеи?

Как ужасно глупо, безрасудно выступаете, дорогой Сибирский!!!

„Не лучше ли вместо погони за количеством членов постараться создать на местах отделы преданных товарищей, знающих что за идею надо **страдать**, что идея не должна быть русская, а **общая**“?

Я спрашиваю Сибирского — разве вы не видели отделы или союзы преданных товарищей на местах (и без мест), разве вы не знаете что они и по сей день существуют?

Вам еще неизвестно, что они умрут страдать за идею, какова бы она ни была, русская или общая. Вам кажется, что без вашего призыва и совета все другие революционеры негодны для действия, как солдаты без предводителя.

Дальше Сибирский говорит: „Не лучше ли всем кого бьют объединиться вместе? Не презирать друг друга, не считать одного выше, а другого ниже, а считать всех равными братьями — членами одной великой семьи производителей“.

Я спрашиваю, какое жало, какой яд презрения и ненависти имела Сибирский, слова которого дышат отравой, убивающей в малосознательных массах дух революционный? По каким счетам он определяет низы и верхи людей, которых бьют и обижают, и которые должны остаться без низов и верхов, сдвигаться равными братьями и сестрами одной великой семьи производителей? Ведь битые и обиженные массы не пришли участвовать и другие элементы общества.

В конце концов Сибирский поясняет цель своих нападок ожесточенного духа, а именно: „Не лучше ли всем объединиться в Один Большой Союз“?

И только ради Одного Большого Союза Сибирский потоптал и погрязнул в болоте своего суеверия а невежества столько революционных личностей, сколько из Одного Большого Союза мы не надеемся достать для Социальной Революции!

Заканчивает Сибирский так: „Я предлагаю товарищам высказаться **чистосердечно**, забыв личные обиды.“

Но увы, я высказался **сознательно** и помню личные обиды!

Ю. Европейский.

Примечание: В виду поднявшейся дискуссии по обвинительному акту тов. Сибирского революционности Союзов Русских Рабочих и отдельных личностей включительно, мы предоставляем страницы органа „Волна“ для свободной дискуссии о нашем отношении к Индустриалистам и равно по отношению Индустриалистов к Союзам Русских Рабочих.

По отношению же к тов. Сибирскому мы тоже предоставляем полную свободу мышления, а также и дальнейшую его деятельность в том, чтобы он мог доказать **сознательно** свою правоту нелепых обвинений и порицаний, которых Союзы Русских Рабочих не заслуживают, несмотря на те бедственные мотивы погромов, которыми он всецело руководится по данной теме и ставит как факт отдельные личности, не будучи заранее убежден в их сознании и революционности.

Не будем настаивать на те личные обиды, которых тов. Европейский не может забыть и готов вызвать бурю вспыльчивостей своего беспокойного духа, но приступим к делу серьезно, принципиально, чтобы и тов. Сибирский мог выйти из своего заблуждения и оправдаться перед „рабочими массами“, как рабочий и сознательно-честный революционер.

Редакционная Коллегия.

Значеніе идей и их выразителей и носителей

Слѣдя за развитіемъ идей, которыми полна наша земная жизнь (нѣкоторые вѣрятъ также и в небесную), желательно б намъ знать всѣ по названіямъ и разобрать каждую в отдельности какъ давно-когда-то жившихъ, так и в наши дни прозябающихъ, — и тѣ, которыя являются зародышемъ для будущихъ поколѣній; но такъ какъ загробное намъ не интересно, а будущее не извѣстно, то поговоримъ о настоящемъ.

Выразителемъ современныхъ идей является органъ печати, по которому, какъ мы видимъ, малоопытнымъ не легко опредѣлить ихъ стремленіе; слѣдующій же избираетъ себѣ по вкусу, иногда соглашаясь со всѣмъ и смѣло изъясняетъ полную солидарность, с другими же частью не согласенъ, с третьими во всемъ не согласенъ. Малоопытный же, не обдумавши сушности вопроса или мысли, иногда принимаетъ ложь за великую правду наоборотъ. Всѣ эти явленія витаютъ вокругъ насъ рабочихъ, и ихъ послѣдствія всей тяжестью ложатся на рабочее движеніе.

Извращаемый смыслъ о событіяхъ настоящаго переходнаго времени враждебной печатью не мало „покрутилъ“ слабыхъ умовъ; все же успѣхъ ея (печати) загадочный, ибо народныя массы, гонимые прелестями прошлаго и настоящаго строя, устремили свой взоръ навсрѣчу будущему новому идеалу, но и ему ставятся знаки препинанія, о которыхъ намъ необходимо слѣдуетъ поговорить.

Переходя отъ стараго къ новому обществу, широкая народныя массы оставляютъ позади все, чему учились, что читали и тѣхъ кому вѣрили; на смѣну всего этого къ нимъ идутъ новыя идеи и с ними же разомъ — и ихъ носители. Появившись на свѣтъ, какъ всякая новостъ, онѣ встрѣчаютъ разнообразное отношеніе.

Мнѣ, какъ и всѣмъ, желательно подѣлиться своимъ мнѣніемъ по отношенію къ выразителямъ идей и ихъ носителямъ. Можетъ быть, читатель замѣтитъ, что я ошибаюсь, и дастъ лучшія поясненія. Признаться, что ошибки

мнѣ не такъ страшны, какъ фальшь, ибо онѣ меня убеждаютъ, что можно еще научиться многому, а главное ихъ не трудно исправлять; при этомъ хочу замѣтить, что цѣль моя безкорыстно-рабочая, т. е. не торговать я намѣренъ словами и мнѣніемъ, а лишь только найти себѣ и другимъ сотрудниковъ по даннымъ, наболѣвшимъ вопросамъ.

Читая газеты и журналы разныхъ направленій, и дѣлая изъ нихъ выводы, то в результатѣ получается у насъ слѣдующее заключеніе: почти всѣмъ читающимъ газеты извѣстна исторія печати послѣднихъ лѣтъ, припоминая которую, вопросъ такъ и навязывается и требуетъ отъ насъ удовлетворительнаго отвѣта: что мы поняли и замѣтили важнаго в этой исторіи? Мнѣ кажется, что можно дать много отвѣтовъ по разнымъ затруднительнымъ вопросамъ, и я излагаю в свою очередь свои мысли и замѣтки о вышеупомянутыхъ идеяхъ, ихъ выразителяхъ и носителяхъ.

Избѣгая утонченныхъ формулъ и подбора красокъ, я приведу во-первыхъ маленькій примѣръ, складывающійся в поговорку: „Хорошее с плохимъ долго не уживается“, а если и бываетъ что-нибудь подобное, то исключительно под угрозою грубой силы; не будь же ея, всему плохому — неминуемая гибель, при наличности же таковой замираетъ хорошее. Иначе говоря, когда появляются на свѣтъ хорошія идеи, печать и отважные инициаторы, то имъ мало очень удастся жить и развиваться, т. к. первая пуля или ножъ насилія сражаетъ ихъ со сцѣны дѣятельности. И что за ними потомъ? Такъ было и есть и до сего дня. Но помня законъ естественный, что все имѣетъ начало и конецъ, поэтому разъ было первое, то очередь за вторымъ.

Оставаясь в ожиданіи, я коснусь еще слѣдующихъ вопросовъ по одному выводу: все то, что происходитъ теперь, является в высшей степени научнымъ и разоблачающимъ предѣлы нашего знанія, а именно:—знали-ли мы с вами впередъ (раньше), за что болѣе всего и кого арестовываютъ, томятъ в тюрьмахъ, изби-

вают и выбрасывают из страны в страну, как ненужный сор по утрам из (чистой) комнаты? Нѣтъ, мы не знали, а если же и знали, то очень мало. Теперь же мы убѣждены в том, что называется развитіемъ идей. Затѣмъ, имѣлось-ли у насъ прямое понятіе о выразителяхъ идей, т. е. о печати вообще? Картина та-же самая, лишь за малымъ исключеніемъ среды интеллигентной. Наблюдая за послѣдними погромами, мы ясно представляемъ себѣ ход событій, если мы были пострадавшими или даже очевидцами. И мы убѣдились, что первой нетерпимостью оказалась радикально-рабочая печать, за ней послѣдовала радикально-интеллигентная, и дальше, если 100% бѣшенство разовьется в бандахъ погромовъ, то ужасы из французской революціи, безсомнѣнно повторятся, лишь только съ той разницей, что то было в деспотической Франціи, а это в „Свободной Америкѣ“. —и что подтверждается ясно доказательствомъ не раз для убѣжденія тѣхъ, которые предпочитаютъ еще держаться на пол-пути революціонной дѣятельности, чтобы только найти спасеніе и убѣжище от погромовъ разъяренной реакціи. И на четвертой части пути рабочаго движенія невозможно удержаться одной восьмой — на свободѣ или в живыхъ открытой революціонности, а пока до этого еще не дошло, то мы должны оставить открытую работу и, не оплакивая ея, приступить к закрытой и давно-избранной работѣ. Такимъ образомъ, доканчивая умирающее зло, и не извращая революціоннаго смысла, мы не рискуемъ своей жизнью, а сберегаемъ ее, отдавая только самыя необходимыя жертвы, которыя за рѣдкимъ исключеніемъ ихъ должны выходить изъ спокойнаго, или безопаснаго убѣжища и не показываться передъ неравной силой до тѣхъ поръ, пока назрѣютъ и наши силы; иначе-же все будетъ равносильно тому отважному плавцу, который, видя будущее море, отважно и на удачу пускается в гибельную его стихію на плохой и легкой лодочкѣ, какъ игрушка волн.

Дальше идетъ вопросъ о носителяхъ идей. Какъ многимъ извѣстно, для освобожденія порабощеннаго человѣчества предпринимается много разныхъ способовъ борьбы, какъ средствъ противодѣйствія грубой силѣ, охраняющей царство насилия и невѣжества. На этой почвѣ зарождаются в народныхъ массахъ идейныя стремленія, переходящія часто в страстно-временныя убѣжденія и разногласія. Главной причиной этого является корысто-личные интересы, за ними національныя и расовыя недоразумѣнія; сущность-же идей заключается не в личности, націи или расѣ, а в носителяхъ идей, представляющихъ собой общество, организаціи, или группы — личность же, нація и раса являются составными элементами таковыхъ общежитейскихъ организмовъ. Поэтому всякая идея, имѣя определенное стремленіе, не можетъ гарантировать понятія всѣхъ составляющихъ ее элементовъ.

Итакъ, если возьмемъ для примѣра носителя идей социализма, какъ составную его часть — социалиста, то в результатѣ получится разница в томъ, что назвать себя социалистомъ можетъ всякій, не имѣющій ничего общаго с идеями социализма.

Такое же совпаденіе члена организаціи соотвѣтствующихъ идей получается между многими не вполне сознательными элементами.

Перекрестное названіе, воспроизводимое идеаломъ, то согласуется, то разнится по отношенію к идеѣ, напримѣр: анархистъ и идея анархизма, коммунистъ и идея коммунизма, или индустриалистъ и идея индустриализма, и даже патріотъ и идея патріотизма и т. д.

В этомъ-то и заключается добрая половина зла, приводящаго к непониманію и разногласіямъ.

Заканчивая на этомъ свой выводъ, вообще, понятія и значеніе идей, я былъ бы радъ знать мнѣніе другихъ товарищей по этимъ вопросамъ.

И. С.

Пролетаріат, его настроеніе, разновидность и стремленіе

Слово пролетаріат означает класс ничего не имущій, или очень мало имущій, т. е. —ничтожную долю для необходимаго существованія от огромнаго богатства земли. Если говорится об одном человѣкѣ, то принято называть пролетарій, а если о цѣлом классѣ неимущих, то звучнѣе произносится пролетаріат. Пролетарій, —всякій человѣкъ неимущій никакого имущества, не смотря на его прошлое и ту среду из которой он выдѣлился. Пролетаріат или класс пролетаріев заключает в себѣ всесторонніе элементы. Не станем перечислять всѣ его составныя части, а только лишь замѣтим допустимое исключеніе, в котором может оказаться человѣкъ неимущій никакого имущества, но получающій за свой труд столь высокое вознагражденіе или точнѣе плату, что этим превосходит даже мелких буржуев, т. е. незначительных собственников, — такой элемент не есть настоящій нуждающійся в улучшеніи человѣкъ, пролетарій, а по большевистскому распредѣленію общества он причисляется к одной из счастливѣйших категорій, которая формулирует собой новую власть под именем диктатуры пролетаріата. Но обойдемся на этот раз без объясненія диктатуры пролетаріата, а согласно темѣ этой статьи отмѣтим лишь рѣзко выдѣляющіяся черты пролетаріата, его стремленіе, разновидность и настроеніе, что может открыть нам прямой путь к понятію о том, почему люди стремясь к свободѣ, не идут одной дорогой? А это происходит от того, что слово пролетаріат и значеніе его объединяют массы с их врожденными и натурализованными привычками, стремленіем и предразсудками, из которых рѣзко выдѣляются три слѣдующих вида: первый — неимущая интеллигенція, второй—церковно-трактирная среда и третій—революціонно-сознательный элемент. Всѣ с экономической точки зрѣнія три вида нераздѣльно связаны словом пролетаріат, но глубокая пропасть лежит между ними и раздѣляет их в общем смыслѣ стремленія и на-

строенія, как имѣющіеся факты в процессѣ разгорающейся соціальной революціи. Мы неоднократно встрѣчаем во всѣх странах расколы и несогласія в классѣ организованных пролетаріев, или соединеніе на условіях и на время для совмѣстной борьбы с одним врагом, капиталом, а потом опять междоусобная борьба до важнаго и рѣшительнаго для возстанія для всеобщаго освобожденія.

Совмѣстна ли такая комедія в средѣ пролетаріата, стремящагося к свободѣ? Нѣтъ. И развѣ не может быть иначе? Неужели нельзя обойтись без разногласій и раздоров? Продолжая разбираться в стремленіях и настроеніях революціонно-настроенных масс, мы ясно видим весь ход событій и приходим к заключенію, что стремленіе не одно, слѣдовательно и свобода представляется для всѣх не одинаково. Для одних желательно произвести революцію, чтобы только переменить правительство и обновить нѣкоторые законы; для других был бы удобным захват власти и других нитей народнаго благосостоянія; третьи желают освободиться от власти, законов, насилія, рабства во всѣх его видах, т. е. завоеваніе полной свободы.

Свобод не много, а одна во многих видах и подобно рабству только видоизмѣняется на столько, на сколько обман примѣним к несознанію и небѣжеству, которое тоже хочет быть свободным по своему назначенію. Взглядов на свободу личности и общества много и каждый имѣет свое назначеніе, или своего рода понятія свободы, как то: свобода политическая и духовно-нравственная из которых не одна, а всѣ вмѣстѣ и означают полную свободу, за которую с давних времен борется пролетаріат или только часть его сознательно революціонная. А что касается интеллигентнаго пролетаріата, который тоже героически боролся и не менѣе страдал, то он подвигами своими не мог и не хотѣлъ сокрушить окончательно своего врага для достиженія полной свободы, а старался удовлетворить свои личныя цѣли, для

выгоды которых народ совершал оружіем то что не могло совершиться дипломатически и голосованіем, доказательством чего служат предшественники большевиков, т. е. сторонники Керенскаго-Брешковских, которые, ради своих личных классовых интересов политическаго осломненія подвергались ссылкам, наказаніям и предавались казни. Они из ссылок в заключеніях тюремных мечтали завоевать с помощью народа то, чего им не хватало, а не хватало им политических свобод французско-англійско-американскаго характера, т. е. быть свободными сверху, а низы по их мнѣнію так должны были и остаться при обѣщаніях и ничего не стоящих реформах. Будучи обезпеченными экономически и морально, т. е. духовно-нравственно, но не имѣя достаточных сил выступить против сильнаго врага, они предпочли отозваться на голос народа и войти в его ряды с громкими словами, чтобы кровью тѣх купить себѣ престолы монархов. Лишенный всѣх прав борющійся пролетаріат получил первую политическую свободу без экономической и духовно-нравственной и с едва замѣтным измѣненіем продолжал рабскую, темную и голодную жизнь т. к. одна политическая свобода безпомощна и безсильна улучшить положеніе всѣх народных масс. Из этого видим, что за завоеваніем одной свободы, т. е. нѣкоторых прав на жизнь, непремѣнно получается раскол и разгорается новая война между революціонерами и контр-революціонерами; первые ведут революцію дальше, до полного освобожденія, а вторые борются против революціи, чтобы подавить возстаніе обманутых и удержать в своих руках власть.

Сознательно-революціонная часть пролетаріата всегда, при всѣх реформах и в процессѣ революціи заявляет свое требованіе на пользованіе всѣми богатствами земли на равных правах; третья же церковно-салунная часть пролетаріата, всегда стоящая в сторонѣ от рабочаго движенія по своему невѣжеству (если не из сургуча пробки ядом, то из кадила чадом, т. е. не напьется, так помолится), эти святые алкоголики, не видя свѣта, пробуют иногда разбираться в своих мнѣніях о свободѣ, и в результатѣ получа-

ется слѣдующее: „не умѣвши начать, не успѣвши кончат, т. к. уже свободное время прошло и пора уже быть в указанном мѣстѣ, первые преклоняются и цѣлуют старинную висѣлицу (так называемый крест), а другим необходимо надо найти древесной отравы, т. к. закрыто исцѣлительное средство опьяненія или одурѣнія, и если все обойдется благополучно внѣ опасности жизни, то завтрашним днем, уплатив попу сотую часть своего заработка за его дым кадильный и лживыя обѣщанія, без ропота и покорно залѣзают в ярмо на круглую недѣлю; такой обычай переходит из рода в род, из поколѣнія в поколѣніе“. Совсѣм иначе дѣло обстоит в сознательно-революціонных кругах: они порицают попов, затемняющих истинный свѣтъ знанія, с негодованіем и ропотом взирают на подъяремных и зовут их к жизни справедливой, перемѣна к которой сопровождается иногда кровопролитной революціей. Обѣ стороны, борющіяся в революціи, чтобы побѣдить своих противников, обращаются с возваніем к огромной арміи „святых алкоголиков“; их помощь часто получается той стороной, которая располагает средствами и платит наличными деньгами, и как добровольцам предлагается временная награда и искусственныя развлечения ночной красоты, для остальных же довольно только обѣщаній, угроз, обмана, дисциплины, наград чинами, похвал и тому подобных жалких вещей военнаго украшенія. Очень трудно достать помощь от них сознательно-борющемуся пролетаріату, который не разсыпает награды и похвалы, не чувствует героев и не платит им деньгами и не позволяет заниматься грабежами и всякими безчинствами над обезоруженными и мирными жителями. Лучшее будущее, полная свобода и равенство не удовлетворяют церковно-скритных духовников и они неохотно вступают в ряды пролетарской арміи, т. к. лучшее будущее, свобода и равенство в раю им уже обѣщаны попами в другой загробной жизни и на небѣ, — и что за толк из свободы и равенства на землѣ этим послѣдователям тьмы и невѣжества?

Иначеи быть не может. При началѣ возстанія сознательных масс и в самом разгарѣ

революціи огромная армія „слѣпых“ божьих рабов, открывая глаза, удивляется и не знает в чем дѣло: божьи рабы не научены бороться за лучшую жизнь; они не знают что добро и что зло, не узнают и не различают самых обыкновенных вещей, и, привыкнув вѣрить не уму, а глазам и ушам, начинают дребеться и крошиться. Попы и старое начальство успѣшно завладѣвают ими для своих цѣлей и под вышеупомянутым „соусом“ их натравляют на их же собратьев, революціонно-сознательных пролетаріев.

Гдѣ же сознаніе несчастных и до жалости глупых наших братьев, обманутых свѣтѣйшей чепухой?

С какой стороны слѣдовало бы к ним подойти и лучше подѣйствовать на их животныя, еще не очеловѣчившіяся чувства?

Отвѣты трудные, но надо найти их и подыскать тѣ оправданія, под которыми человечество может возродиться и способно будет заняться разрѣшеніем своей судьбы.

Зная, что вприродѣ все имѣет рожденіе, жизнь и смерть — в силу неизбѣжнаго хода естественных законов, мы, безусловно, испрашиваем и поддерживаем смерть и для религіи, т. к. она родилась, расцвѣла, отжила и стоит над пропастью разрушенія, вѣчной и вѣрной смерти, из которой она не может возродиться и не в состояніи будет существовать послѣ своего разложенія в прах; с ней вмѣстѣ умирают постепенно и ея вѣрные спутники — глупость и невѣжество, туда же дорога и кабакам с их прелестями. Кромѣ естественнаго закона неизмѣнимых дѣйствій, существует искусственное примѣненіе закона безотлагательных событій; по этому искусственному способу превратностей религія может скорѣе отжить и окончить свое жалкое

существованіе за-долго еще до своей естественной смерти; иначе говоря религія может быть убита своими же поклонниками, т. е. прозрѣвающей толпой, исцѣляющихся прокаженных.

Убийство религіи не так страшно, как убійство живого существа. Она замѣнится полезным дѣлом: невѣжество с дурными предразсудками сойдет со свѣта и на мѣсто его в умах и сердцах людей засіяет наука глубокой философіи, которой суждено утѣшать болѣзненный, падшій род человѣческій.

Так прійди и соединишь в одну общую силу грозный, неимущій и многочисленный класс поработенных и угнетенных! Сойдись в знак солидарности, как подобает сознательно-революціонному пролетаріату, вы, сознавшіе свою силу и великое будущее в свободном творчествѣ!

Опомнитесь-ли вы, корыстная интеллигенція, ищущая лживых путей с цѣлью подновленія рабства за подписью политических свобод? Но знайте, что такой номер фальсификаціи не пройдет; на этом не остановятся стремящіеся массы трудящихся. Ни обманы, ни звеняція рѣчи и никакое орудіе вашего изобрѣтенія не может остановить сознательных к достиженію полной свободы с уничтоженіем рабства во всѣх видах, и к полному и равному пользованію для всеобщаго довольства на началах равенства свободных соглашеній. Знайте, что не далеко то время, когда сильный, могучій и жаждущій правды народ совершит все своей непреклонной волей, и вы окажетесь со своими бывшими врагами в постыдной сторонѣ, позорящей все человечество!

И. С.

Один большой союз или маленькія группки?

С разгромом Союзов Русских Рабочих этот вопрос стал самым трепещущим для бывших членов С. Р. Р.

Не так еще давно среди русской колоніи в Америкѣ организаціонная работа процвѣтала.

Но наступили дни кровавой Романовщины на американской почвѣ: разразилась реакція и реакціонеры задались цѣлью раздавить всѣ радикальныя организаціи в этой странѣ.

Самыми опасными для американских реакционеров оказались организации Союзов Р. Р. И послѣдним она рѣшила нанести самый тяжелый и смертельный удар, чтобы запугать, таким образом, менѣе опасных и вредных.

Так и сдѣлали.

Мы не станем описывать тѣ ужасы и жестокости, которыя примѣнялись слугами американской буржуазіи и поощренія свободогромильнаго правительства против членов С. Р. Р., только потому, что они „опасные анархисты“, которым проповѣдывать и развивать свои идеи американским законом строго воспрещается.

Американское „реакціонное“ правительство, так было напугано анархизмом, котораго, без сомнѣнія, боялись и бояться поработители и угнетатели, как неумолимаго и беспощаднаго своего врага, что даже такіа легальныя организации, которыя никогда в исторіи Соединенных Штатов не запрещались законами американской конституціи, и тѣ были разгромлены из-за боязни, что оставшіеся неарестованные анархисты найдут себѣ убѣжище в легальных организациях и там будут продолжать революціонную дѣятельность еще болѣе успѣшнѣе, чѣм другіе умѣренные и мѣнѣе дѣятельные элементы.

Но они ошиблись и еще покаются не раз за разгром невинных и безвредных, позволенных законом организаций, т. к. со стороны принципиальных работников анархизма не оказалось подобных перебѣжчиков.

Идеи же анархизма, безусловно, оправдываются посредством погрома и доказывают свою важность тѣм, кѣм онѣ болѣе опасны других — для капитала и власти. Но оставим это...

Я, конечно, упомянул о легальных организациях. Таковой по законному усмотрѣнію является и организация Индустриальных Рабочих Міра. И вот она, как легальная, скоро стала оправляться от пронесшагося урагана реакціи и стала по прежнему вербовать членов для „Однаго Большаго Союза“. И нѣкоторые организаторы поспѣшно, но без успѣха ведут работу.

Работником по вербованію взялся и товарищ Макаров (он же Макарусь) и, чтобы побольше обратить „не-

верных“ индустриализма“ в Один Большой Союз, выступил на поприще дѣятельности в роли дезорганизатора тѣх С. Р. Р., которым, благодар своему малому количеству членов, удалось уцѣлеть от погрома темной реакціи.

С цѣлью организованія с одной стороны и дезорганизациі с другой — Макаров направился и благополучно достиг Вест-Вирджиніи, но неблагополучно ему повелось между шахтеров, гдѣ как и во всѣх городах Америки были организованы Союзы Р. Р., и послѣ ареста многих членов, оставшіеся товарищи продолжали свою революціонную работу, и не смотря на малое количество членов, они видѣли качество своих товарищей по труду.

И вот по старому знакомству к ним является тов. Макаров и в своей вступительной рѣчи говорит: „Вы должны назвать себя индустриалистами и принадлежать к одному большому союзу“.

На вопрос нѣкоторых товарищей: почему именно они должны назвать себя индустриалистами, а не иначе? Он немедленно отвѣтил: „Не ваше дѣло! Я вам говорю, значит так и должно быть сдѣлано“.

Конечно, он был прав в самоувѣренности своего убѣжденія, но рабочіе не сразу отказываются и подчиняются настойчивому требованію или принужденію. И было бы безуміем думать, что сознательные русскіе могут оставить свои идеи и на первый призыв или корыстное предложеніе какого-либо оппортуниста перебѣжать на другую сторону в лагерь индустриалистов, потому что идеи и цѣли одних шире и богаче, чѣм других, но борьба же общая; слѣдовательно, организованіе или вербованіе членов можно очень легко предпринять среди несознательных масс, которыя уже поспѣвают для этой цѣли.

И на вопрос: почему он не идет в тѣ уголки, гдѣ рабочіе, благодаря своей темнотѣ даже не знают, что такое организациія, и которыя, кромѣ картежной игры и пьянства, ничего не видѣли и не слышали?

Он отвѣчает: „Не ваше дѣло, вы должны быть подчинены нашему главному центральному комитету, который только и может вас освободить“.

И какое счастье! Центральный комитет вдруг может освободить группу А. К., а не они сами! Это что-то такое: неслыханное в истории рабочего движения. И я сам сомневаюсь, что сознательно-революционный индустриалист мог так понимать свой центральный комитет, или выражаясь перед членами союза Р. Р.

На вопрос: какая разница между индустриализмом и анархизмом? Он отвечал; „Я это понимаю сам, а вам это не важно да и не нужно знать. А самое лучшее для вас — принадлежать к нашему центральному комитету, который уж позаботится удовлетворить вас ответами и всегда будет давать вам наставления, что вы должны делать.“

На этих словах его перебивают товарищи и спрашивают о идеях анархизма и индустриализма исключительно. Он и говорит: „идея анархизма — самая вредная вещь тем, что через вас анархистов всем запрещают собираться, и еще то, что вы после разгрома федерации организуетесь в маленькие группы. И вот уже целый месяц прошел, а вы еще ничего не сделали в пользу освобождения рабочего класса, и подумайте, уже почти месяц!“

Вот на этом то вопросе мне и хочется остановиться.

Оставим в стороне на время тот вопрос, что анархисты сделали в течение одного месяца, т. е. со дня разгрома федерации Союза Р. Р. и по тот день, когда Макаров объяснял идею анархизма.

И возьмем вообще подпольную работу в группах и открытую — в массовых организациях.

Возьмем последних...

Оставим Макарова, который бегает из одной организации в другую, из одного течения в другое, как например: не так давно он был членом С. Р. Р. №2, в гор. Кливленд, а теперь учителем индустриализма. И благодаря своим быстрым перебегам не успев, пожалуй, ближе познакомиться с индустриализмом, который он теперь проповедует и считает зарождение индустриализма только с 1908 года.

(Продолжение в следующем номере)

В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА „ВОЛНА“

Дорогие товарищи!

Просим вас поместить на страницах нашего органа „Волна“ нижеследующую резолюцию:

Мы, Союз Русских Рабочих №25 выслушавши отчет от делегатов с состоявшейся районной конференции, принимаем рекомендацию таковой к сведению. Но что касается вопроса о ежемесячном органе, то мы не согласны с тем, чтобы орган выходил от имени „анархистов коммунистов“, так как в нашем союзе имеются различные течения анархистов, конечная цель которых одни и та же, но в настоящее время они преследуют различные методы борьбы с общим врагом капиталом и властью.

Желательно было бы чтобы все эти различные оттенки анархистов, которые в сущности стремятся к одной цели — идею объединить в одну „Могучую Свободную Ассоциацию Анархистов“ и чтобы орган упомянутой Ассоциации обслуживал и освещал пред читателями нашу „идею“ во всех ее разновидностях, за что и высказались члены нашего союза единогласно. Рекомендуем также другим союзам разобрать и высказаться по этому вопросу.

С. Р. Р. №25.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ЗА МАРТ МЕСЯЦ В ПОЛЬЗУ ОРГАНА „ВОЛНА“

В. В.	15.00
В. В.	52.00
Липа	25.00
Итого	92.00